

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

БОНД,
МИСС БОНД!

ЭКСМО

Елена Ивановна Логунова

Бонд, мисс Бонд!

Серия «Оля Романчикова», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6284176

Логунова Е. И. Бонд, мисс Бонд! : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64451-3

Аннотация

Учительница Ольга Романчикова повидала многое, но «красную метку» – зловещий листок с могильным крестиком – среди тетрадок с диктантами она обнаружила впервые. А самое ужасное, что подобное послание получила их железобетонная завуч и немедленно скончалась! Неужели Ольгу ждет та же участь? Но от переживаний о собственной незавидной судьбе ее отвлекла случайная встреча с бизнесменом Андреем Громовым, без пяти минут олигархом, за которым явно кто-то следит...

Содержание

Вместо пролога	4
Вторник	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Логунова

Бонд, мисс Бонд!

Вместо пролога

На балконе с видом на море стояли двое – мальчик и еще мальчик. Именно так обоих называл третий мужчина, прятаясь в затемненном номере.

Море, на которое смотрели условные мальчики, называлось Средиземным, омываемый им берег – Лазурным, а город на берегу именовался Каннами и у подавляющего большинства цивилизованных граждан ассоциировался с красной ковровой дорожкой.

Двое на балконе примыкали к большинству, с одной существенной поправкой: красная ковровая дорожка у них ассоциировалась с катафалком, и именно этим специфическим транспортом они страстно желали поскорее «эх-прокатить» скандально известного олигарха Якова Яблонского, он же просто ЯЯ.

Яблонский вышеуказанное желание отнюдь не разделял, не приветствовал, упорно не позволял ему сбыться и в настоящий момент рассекал волны синего Средиземного моря на собственной яхте, габаритами лишь незначительно уступающей тому отелю, на балконе которого томились мальчик

и еще мальчик.

– Суета сует, мальчики мои, суета сует! – скучающим голосом произнес третий мужчина, мелодично позвеневав кубиками льда в стакане для виски, наполненном чем положено. – Этак, в лоб, к нему не подобраться, надо издали заходить.

– Через Чукотку? – не без язвительности спросил Первый мальчик.

– Не путай олигархов друг с другом, малыш, – хмыкнул Третий. – И я имел в виду не расстояние, а время. Поройтесь в прошлом уважаемого Якова Аркадьевича, найдите что-нибудь человеческое в этой бронзовой статуе, ведь есть же люди, которым он доверяет.

– Уже нет, – сказал Второй мальчик.

– Рядом с ним, конечно, нет, а вот где-то там, в туманных далях его незабываемого прошлого наверняка хоть кто-нибудь остался, – уверенно предположил Третий и снова набулькал себе полный стакан. – Хватит пасти клиента по заграницам! Ступайте домой, в поле, в глушь, в деревню. Найдите у корней и истоков какого-нибудь его родного человека.

– То есть шерше ля фам? – проявил эрудицию Первый мальчик.

– Не обязательно ля фам, совсем не обязательно, – возразил Третий. – Ищите бывшую любимую, школьного друга, неразлучного институтского товарища, соратника по первым славным авантюрам – любую душеньку, чей призыв спосо-

бен вызвать теплый ностальгический отклик у нашего кровососа. Придумайте, как зацепить этого аллигатора за живое! Вышибите из него сладкую крокодилию слезу! Выдержите его на тайное романтическое свидание! И в теплой дружеской обстановке сделайте то, что нужно.

Второй мальчик проворно повернулся к морю задом, к номеру передом:

– А вы слышали, что в юности ЯЯ мечтал стать писателем и в течение пары лет вел дневник? Вот бы его почитать!

– Вот бы его найти для начала, – пробурчал Первый.

– Вот и молодцы, мои мальчики, вот и умницы, – похвалил их Третий. – Найдите дневничок, это верная тема. Полистаем, почитаем, подберем наживку для золотой рыбки!

На секретные поиски «дневничка» ушло два месяца. Разных ниточек мальчики перебрали не меньше, чем работающие ткачи-ковроделы, и наконец одна из них привела к бизнесмену помельче. Бывший приятель ЯЯ, он, предположительно, сохранил его юношеские записи.

Мальчики предвкушали занимательное чтение.

Вторник

Петрович накрыл ладонями чадящий костерок в мусорном баке и зажмурился – от дыма и от удовольствия разом.

Языки пламени потянулись лизнуть задубевшую кожу, и это было как ласка – преступная, случайная и заведомо короткая. Вот-вот кто-нибудь увидит на сизом металлическом экране забора отсветы огня, и тогда поджигателя прогонят криками, а то и тумаками.

– Ах ты, сволочуга, пьянь подзаборная, опять за свое!

Спина под драным пальто зачесалась особенно сильно, как будто гневный бабий крик разодрал не только вечернюю тишину, но и зудящие стружья под лопатками.

Петрович оглянулся, спешно выдернул руки из жаркой вонючей пасти контейнера, ссутулился и заторопился прочь, приволакивая ноги в разбитых башмаках.

– Нет, вы только посмотрите, люди хорошие, что делается! – продолжала возмущаться крикливая баба.

Ее массивное тело в белом халате наполовину заполнило собой окно пищеблока.

– Что творится-то, а?! Этот бомжара, тварь вонючая, опять нашу мусорку подпалил!

– Вера Ивановна, немедленно прекратите ругаться, у нас тут дети! – привстав на цыпочки, строго сказал главврач Семин в открытую форточку.

– Дети, – эхом повторил Андрей, не отрывая взгляда от человеческого силуэта в желтом прямоугольнике другого окна.

Здание центра построили «книжкой», и из кабинета главного врача хорошо просматривалась палата, расположенная под углом.

– Ему спать не пора? – не оборачиваясь, спросил Андрей доктора.

Фантомас уже с полчаса неподвижно сидел на подоконнике, глядя в ночь, где не происходило ничего интересного.

– Не хочет, – вздохнул Семин.

– Да он ничего не хочет! – раздраженно сказал Андрей.

Он видел, что коробка с очередной новой игрушкой стоит на полу возле кровати. Фантомас ее даже не распаковал.

– То-то и оно! – снова вздохнул доктор.

Андрей выругался гораздо круче, но гораздо тише, чем Вера Ивановна, и прижался лбом к холодному стеклу.

Мальчик на подоконнике был похож на изящную статуэтку – хрупкие плечи, тонкая шея, аккуратные уши, голая голова. Отсутствие бровей и ресниц подчеркивало чистоту и гладкость восково-желтой кожи.

Андрей закрыл глаза и тихо спросил:

– Сережа, сколько еще?

– Андрюша, дело не в деньгах, ты же знаешь, мы делаем все, что можно!

– Я не о деньгах! – Андрей обернулся, сверкнул глазами. –

Я спрашиваю, сколько ему осталось?!

– Бог знает, – доктор Семин отвел взгляд в сторону. – Беда в том, что он уже не хочет бороться.

– Он ничего не хочет, – повторил Андрей и вновь посмотрел на сына.

Семь лет. Всего семь! Господи, как ты бываешь несправедлив!

Угловатая фигурка на подоконнике изменила позу. Теперь Фантомас стоял на коленях, прижавшись лицом к стеклу. Под желтыми ладошками и расплюснутым в пяточок носом расплылись туманные пятна.

– Куда это он засмотрелся? – удивился доктор Семин.

Зимой роскошные больничные клумбы прятались под снегом, и на лавочках в поздний час не было ни души.

Но кто-то же запустил эту штуку?!

Призрачно белея в темноте, в звездное небо медленно возносился большой целлофановый пакет. Под ним, распухшим, как подушка, яркой звездочкой горел живой огонек.

Андрей дернул раму и настежь распахнул окно.

Подхваченные ветром, со стола доктора вспорхнули бумаги, и стало слышно, как в своей палате смеется Фантомас.

Летательный аппарат прошел совсем близко, и Андрей успел разглядеть и сам пакет (большой мешок для мусора!), и подвешенную под ним на тонких стропках-проволочках горелку – доньшко пивной жестянки.

– О-бал-деть! – запрокинув голову, по слогам восторжен-

но произнес доктор Семин.

Андрей скользнул изумленным и недоверчивым взглядом по расплывшейся в широкой улыбке мордашке Фантомаса и выбежал из кабинета, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

– Андрей Палыч, куда?! – спохватился скучавший в коридоре водитель-охранник.

– Витя, давай за мной! – на бегу скомандовал Андрей и, проскочив мимо лифта, запрыгал вниз по ступенькам.

Старик на балконе пятиэтажки докурил сигарету и по крутой дуге отправил бычок к земле – как будто самолет пошел на посадку. Петрович запомнил место его приземления, выждал немного и пошел подбирать окурки. В этот момент во двор влетели и закружились вокруг чадящего мусорного бака два мужика.

Петрович прижался к стене и боком-боком двинулся вдоль нее к выходу со двора.

– Стой! – заметив движение, гаркнул, как выстрелил, один из тех мужиков.

Петрович замер и зажмурился.

– Витя, не бей его! – подоспел второй мужик.

Он был постарше и очень хорошо одет. Солидный дядька, только весь расхристанный, запыхавшийся и с глазами, как у больной собаки.

– Твоя работа? – указательным пальцем запыхавшийся мужик потыкал вверх.

– Нет, нет, это не я! – забормотал Петрович.

– Ага, не ты! Ври больше! – громко фыркнул мужик по-моложе.

– Я больше не буду! – жалко скривился Петрович.

– Еще как будешь! Витя, в машину его! – мужик постарше повернулся и зашагал в темноту.

– Андрей Палыч, он же грязный! – возмутился молодой.

– Отмоем! – донеслось из темноты.

– Девчонки! А что я вчера видела, вы не поверите!

Люся сделала глаза круглыми стеклянными пуговицами и шваркнула свою сумку на стол, едва не перевернув тарелочку с печеньем.

– Людмилексанна, я вас попрошу! – по обыкновению, слепив имя-отчество коллеги в одно слово, строго сказала Жанна Марковна.

И, не договорив, о чем она, собственно, просит, длинно и нежно подула на блюдечко – легендарное, с голубенькой каемочкой.

Она держала его на треноге коричневых артритных пальцев, как казалось Оле, в неустойчивом равновесии. Тем не менее за годы ежеутренних чаепитий в учительской блюдечко Жанны Марковны ни разу не проявило себя как летающее.

Жанна Марковна держала под контролем всех и вся. У нее даже фонтанирующие эмоциями подростки ходили по стру-

ночке, что уж там говорить о тихих неодошевленных предметах.

Пятьдесят лет педагогического стажа – это сила и мощь, которую не спрячешь в чемоданчик с красной кнопкой!

– Ой, извините, Жанночка Марковочна! – подобострастно улыбнулась Люся, сдернув свою сумку со стола, как нашкодившую кошку. – Я очень взволнована.

– Как обычно, – едко заметила старуха, протягивая руку за печеньем.

На блеклом фоне старожилов учительской Люся, совсем недавно выпорхнувшая из стен пединститута, смотрелась интригующе и ярко, как фингал под глазом.

Люсю отличали: повышенная нервная возбудимость, неукротимая гиперактивность и детская склонность к безудержным фантазиям. Спаянный педагогический коллектив принял резвую младую училку в свои объятия и теперь сдавливал ее, как застывающий цемент, но непокорная Люся рвалась из оков.

Оля с укором посмотрела на бунтарку.

Сколько раз ей говорить, чтобы не связывалась с Марковочной!

Начинающей учительнице никак нельзя портить отношения с завучем, это как теленку с волком бодаться: Марковочна, если захочет, в два счета испоганит Люсинде ее молодую цветущую жизнь! Способов много: расписание составить такое, чтобы учитель с утра до вечера в школе торчал, поуроч-

ные планы на проверку затребовать, поставить бесплатно замещать заболевших коллег, непрофильных нагрузок добавить...

Тут Оля вспомнила, что на большой перемене ей снова придется дежурить в столовой, и тихо вздохнула. Уж лучше бы ей, как Люське, пришкольный участок с детьми копать, честное слово!

На прошлой неделе Ольга села на диету и теперь переживала мучительный разлад между разумом и телом.

Разум требовал максимально дистанцироваться от высококалорийных продуктов питания, а тело реагировало на вредную пищу, как железная гирька, конфигурацией до обидного схожая с плотным женским телом, на мощный магнит.

Вчера, когда неразумные первоклашки затеяли перебрасываться столовской едой, Ольге Павловне внезапно захотелось подпрыгнуть и зубами выхватить из воздуха помятую котлетку!

То-то было бы зрелище для первоклашек...

Пожалуй, детки вызывали бы прыгучую Ольгу Павловну на бис до тех пор, пока у поварихи тети Маши не иссякли бы запасы котлет!

– Так вот, что я видела, девочки! – оживленно продолжила Люся, нисколько не смущенная ни репликами Марковны, ни взглядами Ольги, ни самоочевидной неуместностью обращения «девочки» применительно к старшим коллегам,

среди которых, к тому же, далеко не все были женского пола. – У нас на улицах похищают людей!

– Доложите по форме: на каких улицах, каких людей, почему сразу похищают? – забрызжал преподаватель ОБЖ Александр Аркадьевич – классический армейский дуболом на пенсии.

– Санаркадьич! – покачала головой Жанна Марковна.

– Докладываю!

Неуемная Люся расправила плечи и затарахтела:

– Вчера вечером, около двадцати часов по московскому времени, я следовала с мусорным ведром в направлении ближайшей к нашему дому помойке и стала невольным свидетелем похищения гражданина типа «бомж»! С легкостью преодолев его слабое сопротивление, два мордovorота затолкали беднягу в джип и увезли в неизвестном направлении!

– Бомжей на джипах не возят! – авторитетно сказала Жанна Марковна и хрустнула печеньем.

– Наши люди в булочную на такси не ездят, – шепотом припомнила Оля незабываемое из «Бриллиантовой руки».

– Вот именно! – Люся кивнула и наконец присела, но не успокоилась: завертелась на стуле юлой, успевая обращаться ко всем сразу и к каждому в отдельности. – Я думаю, его похитили, чтобы продать на органы!

– Ах, опомнитесь, Людмилексанна, – скривилась Жанна Марковна. – Вы с ума сошли? Какие органы у бомжа?! Наверняка, он весь больной и насквозь проспиртованный.

– А помните, в прошлом году мы милицию вызывали, потому что девочки пожаловались, что под окно раздевалки приходит дяденька в пальто на голое тело? – Вынырнув из шкафчика с журналами верхней половиной тела в синем трико, не без мечтательности припомнила сие обстоятельство сорокалетняя дама-физрук Наталья Анатольевна. – Все видели, какие у него были здоровые органы!

– Наталянатольна!

Александр Аркадьевич громко крикнул и покраснел. То ли потому, что обеспечение физической и моральной безопасности учащихся на школьной территории было его обязанностью, то ли от неизбывной зависти к дяденьке с органами. Супруга Александра Аркадьевича, состоящая при школьной столовой в должности повара, бестрепетно выносила сор из супружеской постели и прилюдно называла мужа старым меринком.

Оля выдернула из стопки, приготовленной для словарного диктанта, половинку тетрадного листа в линейку, аккуратным почерком «русички» настрочила:

«Люсинда, ты дура! Смени тему, пока ЖМ не окрысилась!» – и передала записку Люсе.

Привычку обмениваться такого рода посланиями они приобрели в ходе скучных затяжных педсоветов.

Прочитав записку, хитрая Люся кивнула и громко сказала:

– Жанна Марковна, я хочу у вас совета спросить, можно?

Как вы считаете, стоит ли разрешить Коробейникову из четвертого «В» сделать доклад по мотивам его поездки в Италию? У нас как раз по программе Древний Рим, а у Коробейникова куча фотографий с Колизеем и Пантеоном, и я в растерянности: с одной стороны, эффект присутствия и личные впечатления – это прекрасно, а с другой – никто из ребят за границей не бывал, один Коробейников у нас путешествует, будет ли это педагогично?

– Умница! – беззвучно проартикулировала Оля, оценив Люсину сообразительность.

Жанну Марковну хлебом не корми – дай поделиться стратегическими запасами педагогического опыта с молодыми коллегами.

Забыв про мужиков и их органы, старушенция принялась наставлять Люсинду. Та кивала и хлопала глазами, всем своим видом выражая полное согласие со сказанным и тихую радость от счастливого приобретения внушительной порции мудрости.

Оля посмотрела на часы, подхватила со стола журнал и пачку тетрадей и пошла в кабинет.

Первым сегодня у нее был условно мирный шестой «В», в котором диверсантом и провокатором сидел хулиган и двоечник Витька Овчинников – страшный сон Ольги Павловны.

Каждый выход Овчинникова к доске имел характер смертельного номера в исполнении дрессировщика и тигра, причем Ольга Павловна не рискнула бы утверждать, что укро-

тителем является именно она.

И опаздывать на урок в шестом «В» было очень рискованно: чуть задержишься, придешь – а личинка дверного замка уже забита спичками.

Или кнопки на учительском стуле лежат, или классная доска парафином натерта, или голодный хомяк заперт в ящике с тетрадками для диктантов!

Или вообще ужас: на украшающем подоконник могучем кактусе восседает, обалдев от такого негостеприимного «ландшафта», живая жаба!

Прозвенел звонок, день вошел в привычную колею и покотился с обычной нервной тряской, зато быстро и нескучно.

– А в школе небось учат, что свет распространяется быстрее, чем звук? – хмыкнул Жора, указав на светофор небритым подбородком.

Как будто она не видела, что загорелся зеленый, и не слышала, что скопившиеся позади машины сигналият, как свадебный поезд!

«Вот козел!» – подумала Ксюша и больно закусила пухлую губу, всерьез рискуя попортить качественную работу хирурга-пластика.

Шуточками про школу Ксюшу донимал не только инструктор. Большинство ее знакомых тоже очень веселило это сочетание: гламурная Ксюша – и средняя школа!

Они были из несовместимых миров, как игрушки из раз-

ных наборов: кукла Барби – и таракотящие заводные монстрики. Поместить их в одну коробку стандартного здания школы было возможно, но зачем?!

Этого не понимал никто.

Кроме бабушки Эльвиры.

Бабушка Эльвира решительно сказала:

– Порезвилась, милочка, и хватит, взрослая уже, пора начинать жить по уму.

Подразумевалось, что до сих пор Ксюша в большинстве своих поступков руководствовалась исключительно дуростью, с чем сама она была не согласна, потому что считала, что к двадцати двум годам добилась немалых успехов.

Самым большим из них, бесспорно, была прекрасная искусственная грудь четвертого размера, но и удлиненные штырями в бедрах ноги, и манящие силиконовые губы, и пышная парикмахерская грива платиновых волос, и безупречные ногти, и гладкая кожа, и соблазнительный загар тоже чего-то стоили!

Чего именно, лучше всех знал папа, который, как деловой человек, четко оплачивал счета от специалистов индустрии красоты в обмен на Ксюшино обещание непременно закончить университет. Спасибо рыночной экономике, экзамены и зачеты прекрасно можно было купить, так что свое обещание Ксюша выполнила и желанный диплом папуле в белых ручках принесла.

Диплом свидетельствовал, что Ксения Ивановна Марков-

цева благополучно отучилась на факультете романо-германской филологии и получила аж две специальности сразу: переводчика и преподавателя иностранного языка.

– Вот и славненько, – сказала бабушка Эльвира. – Пойдешь работать в школу.

– В к-к-какую еще школу? – заикаясь от неожиданности, спросила Ксюша.

– В среднюю образовательную, Ксения Ивановна, в какую же еще! – спокойно ответила бабушка, легким движением руки осадив на взлете шокированную маму с ее вполне предсказуемым протестом. – Всем молчать, я дело говорю!

– Но, мама... – начал было папа.

– Я уже сорок семь лет мама! – отрезала бабушка Эльвира. – А ты уже двадцать два года отец, а родительских обязанностей своих до сих пор не понял! Ты кого вырастил, Иван?

– А кого мы вырастили? – с вызовом спросила мама, формулировкой вопроса акцентировав свое участие в процессе.

– Вы, Леночка, вырастили лоботряску и паразитку, – безмятежно ответствовала бабушка Эльвира, повторно отмахнув все их возражения и протесты. – Не спорю, Ксения – красавица, но она редкая бестолочь – вся в маму! Надо же понимать, что такую броскую внешность мужчины воспринимают совершенно однозначно, и ни один приличный человек не возьмет девицу с наружностью, привычками и образом жизни нашей Ксении в законные супруги!

– О! – коротко сказала мама, прикусив кулачок.

Ксюша поняла, что только что потеряла союзника.

– Какого именно приличного мужчину ты имеешь в виду? – спросил деловой человек папа.

– Сына Громовых, – коротко ответила бабушка Эльвира, и папа задумчиво кивнул.

Тогда Ксения поняла, что папа тоже ее не поддержит.

Громовы были не только богаты, но и очень уважаемы. Чтобы породниться с Громовыми, деловой человек – папа – наладил бы дочку Ксюшу не только учительницей в российскую школу – хоть миссионершей в Конго!

– Ты будешь носить элегантные деловые костюмы и шелковые блузки, – попыталась утешить дочку мама.

– И никаких ночных клубов! – сказала бабушка. – Люди должны думать, что ты не только красивая и хорошо образованная, но также скромная, добрая и очень, очень любишь детей!

– Как настоящая принцесса! – поддакнула предательница мама.

– Меня подружки засмеют, – мрачно сказала Ксюша.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним! – напомнил деловой человек папа. – Твои подружки обзавидуются, когда ты выйдешь за Громова.

Это был аргумент.

– Так что, Ксения Ивановна? Куда путь держишь – в бордель или в школу? – весело спросила бабушка.

– В школу, – хмуро сказала Ксюша и подняла пальчик. –

Но только на один год! И с двумя условиями.

– Слушаю, – кивнул деловой человек папа.

– Во-первых, мой учительский гардероб будет из Парижа и Милана, иначе – никаких костюмчиков с блузками! А во-вторых, мне нужна машина. И ты, папа, платишь за все.

Папа крикнул, но тут на сторону Ксюши неожиданно встали мама и бабушка:

– Ну, Иван, не может же девочка, одетая в парижские костюмы, толкаться в трамвае!

И вот теперь у Ксюши есть прекрасный «Пежо» и ужасная работа...

– Спим? – с ехидной нежностью поинтересовался инструктор.

Ксюша очнулась.

Так, что делать?

Снять ногу с тормоза.

Перебросить ее на газ.

Выжать сцепление...

Нет, сначала выжать, а потом перебросить...

Или все-таки сразу?!

Учебная «шестерка» взревела, затряслась и затихла, напоследок конвульсивно дернувшись.

Очередь из автомобилей с нормальными водителями, наоборот, разразилась новой серией возмущенных гудков.

Утренний туман редел, немилосердно открывая Ксюше вид на застопорившийся позади нее караван.

Ксюша тихо выругалась, сдула со лба серебристую челку и аккуратно, как учили, стронула машину с места – к сожалению, уже на желтый свет.

– О господи! – Жора обморочно подкатил глаза к серому дырчатому потолку машины.

– Ручная коробка – это полный отстой! У меня на «Пежо»-автомат! – с вызовом сообщила ему Ксюша, лихо подрезав «Газель», отпрянувшую к обочине, как настоящая трепетная лань.

– Тебе бы лучше пулемет! – Жора опасно покосился в боковое зеркальце. – Сделай в своем «Пежо» люк, посади туда стрелка и сможешь ездить по городу даже в час пик!

– Пошел ты! – Ксюша обиделась.

– Сама иди! – огрызнулся Жора. – Слава богу, доехали уже! Давай, паркуйся. Храни нас бог...

Ксюша рывками притерла «шестерку» к бордюру газона, обрамляющего сквер, и перегнулась через спинку кресла, доставая с заднего сиденья учительскую торбу с тетрадами и пакет с туфлями.

– Шевелись, шевелись! – Жора включил аварийку.

Ксюша переобулась в элегантные «лодочки» и сунула мокасины в пакете в торбу, освободив место в ней за счет пачки тетрадей. Их она извлекла наружу, чтобы все в школе издали видели: Ксения Ивановна Марковцева от своих обязанностей не отлынивает.

– Учительница первая моя-а-а! – с притворной нежностью

напел зубоскал Жора.

– Садись, два! – строго сказала Ксения Ивановна, уступая инструктору место за рулем.

Она демонстративно пристроила пачку ученических тетрадей на согнутый локоток, как младенца, и пошла на каторгу – в свою школу на другом краю сквера.

Первого и второго уроков у Ксении Ивановны сегодня не было, и это позволило ей немного попрактиковаться в вождении, но теперь пора было впрягаться и пахать на ниве просвещения.

Спустя несколько минут учебная «шестерка», следуя по обычному маршруту к полигону, въехала на мост.

– Куда ты катишь, дурачок? Тебя ж повяжут! – злорадно хохотнул разговорчивый инструктор Жора, в отсутствие живого собеседника обращаясь к грузовику в зеркале заднего вида.

Тяжелая машина уже два квартала висела на хвосте у «шестерки». Водитель грузовика, очевидно, не заметил дорожного знака, запрещающего въезд на мост многотонными автомобилям.

– Вот идиот! – порадовался образцовый водитель Жора, предвидя теплую встречу горе-шофера с постом ДПС на другом берегу.

А в следующую секунду грузовик ускорился, как будто собираясь обойти «шестерку» по встречной, но вместо этого

вильнул, ударил ее в бок – и направил напрямиком на ограждение моста.

Под отчаянный матерный крик инструктора Жоры «шестерка» проломил перила и косо кувыркнулась с моста в рябые и темные, как пашня, речные воды.

Ксения Ивановна совсем-совсем немного опоздала: второй урок закончился, началась большая перемена – генеральный «прогон», репетиция Апокалипсиса в стенах отдельно взятой средней школы.

По двору, разгоня туман, с воплями и визгами неуправляемыми стадами носилась засидевшаяся за партами малышня, на лестницах образовались водовороты из старшеклассников, на приступочке памятника Юному Барабанщику в холле опасно накренилась дежурная учительница с красной повязкой на рукаве. С Барабанщиком, беззвучно наярывающим палочками, она смотрелась вполне гармонично, потому что держала в зубах свисток, периодически издававший пронзительные трели. Однако на них, как и на неслышные миру музыкальные экзерсисы Барабанщика, никто не реагировал.

– Здравствуйте, Ксения Ивановна! – проорал охранник, грамотно отсиживающийся за барьером в прихожей.

Ксюша его не услышала.

Выставив вперед заградительный локоть и морщась, она прокладывала себе дорогу к учительской на втором этаже и, разумеется, не видела идущую встречным курсом Ольгу

Павловну. Та тоже продвигалась в нужном направлении с упорством ледокола и тоже имела «на борту» большую стопку тетрадей.

У самой учительской «русичка» и «англичанка» встретились и, обменявшись напряженными улыбками, одновременно потянулись к дверной ручке. Однако войти в тихую гавань они не успели, потому что в них с разбегу врезался человек-ядро – Семен Блохин из пятого «А».

Боевые товарищи человека-ядра восторженно завопили, сраженные пушечным выстрелом училки ахнули и пали, рассыпавшиеся по полу тетради зашептали-зашелестели что-то жалобное...

В радиусе трех метров от места попадания человека-ядра образовалась мертвая зона, за пределами которой продолжал бушевать Апокалипсис большой перемены.

Не найдя в лексиконе дипломированного филолога подходящих к случаю приличных слов, Оля беззвучно пошевелила губами. Ксюше было проще: в отсутствие продвинутых старшеклассников она могла позволить себе выругаться по-английски.

– Ольгапална! Ксениванна! – из учительской выглянула вездесущая и всеведущая Жанна Марковна. – Что случилось?

– Так, ничего особенного, – пробормотала Оля, поднимаясь и отряхивая юбку.

Отдавать на расправу завучихе бронбойного Блохина она

пожалела. Объяснила уклончиво, не называя имен:

– Мы тут столкнулись и тетради рассыпали.

– Петров! Катаев! Что вы стоите, как памятники, помогите все собрать! – распорядилась Жанна Марковна.

Названные персоны тут же пали ниц и поползли, без разбора сгребая с пола тетрадки.

– Потом рассортируем, где чьи, – сказала Оля Ксюше.

И сердечно поблагодарила Петрова с Катаевым за построенную ими в рекордные сроки Пизанскую башню из помятых тетрадок.

Сортировку производили уже после пятого урока.

У Ксюши было «окно», у Оли занятия закончились, осталось только проверить тетради. Тащить их домой не хотелось, чтобы не нервировать родственников, особенно маму, которая очень боялась, что Оля снова станет «синим чулком».

Первый – и пока что последний – в жизни Ольги серьезный роман начинался бурно, но постепенно иссяк, как пересохший ручей. Отчего так случилось, она не могла объяснить не только маме, но даже себе самой. Мама же очень переживала, что ее непутевая взрослая дочь упустила единственного кавалера, и на школьные тетрадки, учебники, поручные планы и прочие атрибуты педагогической деятельности смотрела волком.

– Шла бы ты лучше, Олька, в папин таксопарк диспетчером! – все настойчивее советовала она дочке. – Голос у те-

бя приятный, говоришь гладко, мужикам это понравится. А мужиков в таксопарке много, и неженатые есть, авось, нашла бы себе кого-нибудь для счастья в личной жизни!

– Перебьюсь пока жизнью общественной, – обычно отвечала Оля.

Но дополнительно нервировать мамулю не стоило, поэтому засиживаться до ночи над тетрадками на кухне она прекратила.

– Это твоя! Это моя! Моя, твоя, твоя, – Ксюша проворно раскладывала перемешавшиеся тетрадки на две кучки. – То же твоя! Ой, а это чье?

Оля посмотрела: Ксюша, хмурясь, разглядывала выпавшую из какой-то тетрадки бумажку. Обыкновенный клетчатый листок с примитивным рисунком в виде кружочка с крестообразным хвостиком.

– Взрослеют детки! – хмыкнула Оля. – Это же символ Венеры, знак, используемый для обозначения женского пола. Вряд ли это из моих тетрадок выпало, пятиклашки в гендерном вопросе не так продвинуты.

– У меня восьмые, – вздохнула Ксюша. – Они еще не такое рисуют! Вот недавно...

– Привет, девчонки! Что это у вас? – в учительскую вихрем ворвалась Люся.

– Шедевр примитивизма! – хмыкнула Оля.

– Ну-ка!

Люся бесцеремонно выхватила у Ксюши бумажку и выта-

рашила глаза в показательном ужасе:

– Ого! Какое зловещее послание!

– Почему это оно зловещее? – удивилась Оля.

– Как это почему, тут же могила с крестом нарисована!

Прям «черная метка»! Это кому же? – Люся завертела головой, переводя заинтересованный взгляд с Оли на Ксюшу и обратно.

– Типун тебе на язык, Люсинда, какая могила с крестом?! – возмутилась Ксюша. – Ты неправильно держишь бумажку, переверни ее, и получится мирный женский символ.

– А по-моему, правильно я ее держу, иначе подпись будет не под картинкой, а сверху и вниз головой, – уперлась Люся.

– Какая подпись?!

Оля вытянула шею и заглянула в бумажку.

А там – в углу – и вправду имелась крупная четкая подпись, которую она прежде не заметила, потому что ее закрывал палец Ксюши.

– О-о! – многозначительно обронила Люсинда. – Где-то я это уже видела...

– Да где только я это не видела! – в сердцах сказала Ксюша. – Это же каляка-маляка Жанны Марковны!

– Это Бяка-закаляка кусачая, – пробормотала Оля, вспомнив незабываемый детский стишок. – Я сама из головы ее выдумала...

– Точно, выдумала, – Люся хмыкнула. – Мне всегда было интересно, как этот шикарный автограф соотносится с фа-

милией нашей старушенции? Она же просто Новак, а тут – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять – девять петелек и две хитрые загогулины! Может, она по паспорту какая-нибудь Новаковичешвильская-заде-оглы?

– Иван Иванович Иванов-Вано, – вспомнила Оля впечатлившее ее когда-то ФИО из телевизионных титров.

– Она не просто заде, она завуч, – хихикнув, напомнила Ксюша. – Большой начальник в наших широтах! А начальнику положена внушительная подпись, чтобы придавала должный вес резолюциям.

– Странная какая-то резолюция – могилка с крестиком! – Задумалась Люся. – Что она может означать? «Сим повелеваю всем без промедления сдохнуть!»?

– Почему сразу – всем? Могилка нарисована всего одна, – напомнила Оля.

– Зато красной пастой! – сверкая глазами, зловеще сказала Люся. – Как кровью!

– Типун тебе на язык, – досадливо повторила Ксюша. – Какой еще кровью? Обычной учительской ручкой с красными чернилами.

– Что возвращает нас к предположению о том, что это – распоряжение завуча! – Люся помахала бумажкой в воздухе. – Подписанный самой Жанной Марковной смертный приговор! Интересно, кому? А?

– Если так, то либо мне, либо Ксюше: «Казнить, нельзя помиловать», – Оля сказала это в шутку, но получилось не

смешно. – Да ладно вам, девочки! Люсинда, хватит глупостей, иди... куда-нибудь, мне нужно тетради проверить.

– Пойду за плюшками, – легко согласилась Люся и грациозно протанцевала к двери. – А вы тут поосторожнее! Мало ли что! «Черная метка» от завуча – это вам не шуточки!

Она демонически захохотала и выскользнула за дверь.

– Вот дурында, – в сердцах сказала Ксюша.

– Да не глупая она, просто избыточно жизнерадостная, – справедливости ради возразила Оля.

И втайне позавидовала Люсиному характеру, однако не стала об этом говорить вслух.

– О боже!

Секретарша Милочка уронила телефонную трубку на рычаг и схватилась за голову, украшенную свежей укладкой, о чем Милочка никак не могла забыть, и это лишило ее хватательные движения должной экспрессии.

– Ну? – сердито буркнула бухгалтерша Алла Валентиновна, без отрыва от калькулятора покосившись на секретаршу, которая щупала собственный череп осторожно и вдумчиво, как искусственный покупатель, выбирающий спелый арбуз.

– У нас катастрофа! – слезливо сообщила Милочка, воздержавшись от настоящих рыданий из-за того, что у нее были накрашены ресницы, каковое обстоятельство, естественно, тоже являлось незабываемым.

– Что, шкаф разбили?! – взволновалась бухгалтерша, нетерпеливо ожидавшая доставки нового стеллажа со стек-

лянными дверцами.

– Хуже! Ноль тридцать пятая машина упала с моста!

Продолжая удерживать правую руку на калькуляторе, Алла Валентиновна возложила левую на область сердца, как будто приготовившись принести клятву на самом дорогом:

– Как упала?!

– Так!

Милочка двумя руками изобразила сложный кувырок:

– Прямо в воду! Упала и утонула!

– А кто в машине был?

– Должно быть, Жора Гвоздев, ноль тридцать пятая – это его «шестерка», – уверенно ответила Милочка и аккуратно, чтобы не размазать помаду, прикрыла ладошкой страдальчески скривленный рот.

– Один Гвоздев? У него же с утра занятия были! – Алла Валентиновна торопливо зашуршала листами журнала дополнительных занятий. – С кем же... Ага, вот: с Ксенией Марковцевой из третьей группы! Мила, звони ей! Господи, спаси и сохрани...

Милочка прекрасно понимала охвативший бухгалтершу страх.

Судьба учебного транспорта незавидна, ноль тридцать пятая «шестерка» была обречена закончить жизнь в ДТП, о чем администрация автошколы заранее не печалилась, ибо все машины «Тройки» были застрахованы. Застрахован был и водитель-инструктор Жора Гвоздев – довольно противный

малый с предосудительной привычкой увозить симпатичных курсанток за город и настойчиво предлагать им отдохнуть от занятий в режиме секс-паузы в лесополосе.

Потерю Жоры и его «шестерки» администрация автошколы могла пережить без больших моральных страданий и материальных потерь, но присутствие на борту ученицы меняло картину в корне, поскольку оплата за дополнительные занятия взималась неофициально.

Алла Валентиновна без промедления сунула журнал с «левой» бухгалтерией за борт пиджака, отчего ее фигура заметно перекосилась.

– Жорка не отвечает, – прослушав серию гудков в трубке, сообщила Милочка. – И Марковцева не отвечает. В настоящее время абоненты недоступны или находятся вне зоны действия сети!

– Немедленно звони родным и близким, – Алла Валентиновна вскочила, придерживая компромат под полой, и ринулась к выходу. – А директору я сама скажу! Кто будет спрашивать – ты ничего не знаешь. Все, держи меня в курсе дела!

– Какого дела? – нахмутив выщипанные бровки, спросила секретарша у захлопнувшейся двери.

Дверь не ответила, но Милочка и сама сообразила, что за катастрофой неизбежно последует разбирательство и, значит, надо ждать появления в конторе бравых полицейских парней.

Поэтому Милочка сбегала к зеркалу, поправила прическу

и макияж и только после этого позвонила «родным и близким».

Людмила Александровна Пинчикова уже третий месяц служила в городской средней школе номер тридцать один в штатной должности учителя начальных классов, но все еще воспринимала свою скромную работу как ежедневное шоу.

Людмиле Александровне с ее складом характера гораздо больше подошли бы в качестве жизненного поприща цирк шапито, театр-варьете, на худой конец – генеральный штаб воюющей армии.

Не случайно и ученики, и коллеги предпочитали называть Людмилу Александровну экстравагантным прозвищем Люсинда.

Люсинде жизненно необходимо было находиться в эпицентре внимания, сверкать, очаровывать, впечатляться и полной грудью дышать атмосферой чудес.

Не исключено, что в прежней жизни она была новогодней елкой!

Люсинда совершенно не выносила скуки и без усталости расцвечивала серую канву тоскливых будней розетками, гирляндами, бандельверками, персидскими огурцами и разными прочими декоративными орнаментами своей богатой фантазии.

Чего ей не хватало, то она придумывала на раз-два-три: «Крэкс! Пэкс! Фэкс!» – и нате вам, чудо.

Не хватало Люсинде, главным образом, трех вещей: слепого обожания влюбленного в нее человечества, увлекательных приключений и старой доброй порки, коей родители маленькой Люсинды в свое время опрометчиво пренебрегали, о чем теперь частенько сожалели, как сожалеет и все прогрессивное человечество.

Тем не менее, слепого обожания последнего – то есть человечества – Люсинда периодически добивалась, хотя и ненадолго.

Чтобы слепо обожать Люсинду, нужно было потерять не только зрение, но и рассудок.

Коллективный разум человечества перманентному сумасшествию сопротивлялся, однако Люсинда без усталости изобретала эффективные способы временного отключения мозгов окружающих. На весь мир ее не хватало, но закрытые помещения средней кубатуры радиус поражения, как правило, покрывал.

В раннем детстве для покорения мира и окрестностей Люсинда успешно использовала вопли в диапазоне четырех октав с уверенным захватом верхнего «си».

Ультразвуковой удар пронзал народонаселение мощной судорогой, и ближнее человечество железной массой падало к ногам младой Люсинды с затребованными ею дарами: конфетами, куклами, бантами и прочими средствами, служащими для моментального превращения жизни в праздник.

Когда из-за жестокого акустического геноцида отзывчи-

вые особи в окружении крикливой Люсинды вымерли как вид, она разучила вежливые слова и некоторое время результативно поражала современное ей человечество убийственной вежливостью.

Однако человечество вскоре адаптировалось и стало воспринимать изысканные манеры манипуляторши Люсинды как норму жизни.

Тогда Люсинда освоила вымогательские поцелуи – градом – в сочетании с умильными взглядами веером.

Человечество сначала растаяло и стекло к ногам Люсинды розовыми соплями, но через некоторое время снова собралось и оформилось в убедительное подобие крепостной стены.

Борьба щита и меча продолжалась. Люсинда оттачивала стратегию и совершенствовала тактику. Человечество то шло у нее на поводу, то взбрыкивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.